

Copyright © 2025 by Cherkas Global University

Published in the USA
 Bylye Gody
 Has been issued since 2006.
 E-ISSN: 2310-0028
 2025. 20(2): 620-631
 DOI: 10.13187/bg.2025.2.620

Journal homepage:
<https://bg.cherkasgu.press>

Kazakhs and Kazakh Steppe in the mirror of Kalmyk Historiography of a Dusty Campaign

Ernar M. Uzhkenov^a, Galiya A. Shotanova^{b,*}

^a Institute of Oriental Studies named after R.B. Suleimenov, Almaty, Republic of Kazakhstan

^b Ch. Valikhanov Institute of History and Ethnology, Almaty, Republic of Kazakhstan

Abstract

The dusty campaign of 1771 in Kalmyk historiography is illuminated as the mass migration of the Volga Kalmyks in Dzungaria. This event is one of the most dramatic episodes in the history of the Kalmyk people, who left an indelible mark in their collective memory and cultural identity. This event was accompanied by numerous Kazakh-Kalmyk clashes, which should be interpreted not as a manifestation of ethnic enmity, but as a result of an objective clash of interests of two nomadic peoples.

Modern Kalmyk historians strive for a deeper and more objective analysis of the events of 1771. They use new sources, conduct comparative research and take into account the achievements of world historical science. Kalmyk historiography, analyzing these events, focuses on the need for a deeper study of the interaction of nomadic peoples with sedentary cultures, as well as the identification of gaps in existing research. In general, Kalmyk historiography practically does not explore the history of Kazakhs as one of the parties to the participants in such a central historical event as a «Dusty campaign» and focuses on the internal causes of the beginning of tragic migration. Kazakhs and the territory of the Kazakh steppe are often considered as a certain historical background, the influence of which is quite conditional. Such a perception of the «Kazakh factor» does not allow the objective reconstruction of the history of those events that leads to a simplification of joint history.

This article can serve as the basis for solving a historical problem: setting the problem of studying the relationship of the event and territory, that is, a dusty campaign and the Kazakh steppe.

The results can be used to develop new approaches to the analysis of historical processes, which contributes to a more objective understanding of the role of the Kalmyk people in the context of Russian statehood and its integration into modern society.

Keywords: Dusty campaign, Kalmyks, Kazakhs, Kalmyk historiography, migration, nomadic, politics of the Russian Empire.

1. Введение

Масштабные миграции кочевых народов всегда привлекали внимание исследователей и современников, поскольку их результаты напрямую влияли на судьбу и историю целых народов, государств и цивилизаций. Причины подобных массовых перекочевок, перекраивающих этническую и культурную мозаику Евразии, до сих пор остаются предметом ожесточенных диспутов, где главными факторами остаются географические, экологические или климатические причины, носившие естественный характер, а также политические события или процессы, последовательность которых далеко не всегда очевидна. В этом свете особый интерес представляет собой последнее великое кочевье 1771 г., когда калмыки предприняли попытку вернуться в пределы бывших коренных территорий. Это событие, разделившее калмыцкий этнос, значительно повлияло на судьбу не только

* Corresponding author

E-mail addresses: galia8.09@mail.ru (G.A. Shotanova), e81g@mail.ru (E.M. Uzhkenov)

собственно калмыков, но и также на историю всех соседних народов, отголоски чего нашли свое отражение и уже в бурные события XX в.

Великое кочевье 1771 г. для калмыцкого этноса стало краугольным событием, которое послужило катализатором многих процессов. Например, таких, как: резкое уменьшение количества населения, сказавшееся впоследствии на территории, занимаемой калмыками; окончательная потеря политической самостоятельности и усиление потока переселенцев, что стало причиной сужения ареала этнической территории; а также усилившейся ассимиляции калмыцкой культуры со стороны Российской империи. Все эти события поистине позволяют определить 1771 г. как рубежный в этнической истории Калмыцкого ханства.

Масштабная миграция кочевников, которая состоялась уже в период Нового времени – времени господства огнестрельного оружия и общемирового кризиса кочевого строя, конечно же, должна была иметь неординарные причины и быстро была обозначена в мировой исторической литературе как результат комплекса свершившихся событий и факторов. Столь важная дата вполне ожадемо привлекла внимание многих исследователей, а большое количество источников позволило вполне объективно реконструировать последовательность тех событий.

2. Материалы и методы

В рамках настоящего исследования для глубокого изучения и анализа ключевых процессов 1771 г., связанных с историей взаимоотношения Калмыцкого и Казахского ханств, применяется комплексный подход, основанный на изучении разнообразных источников и фундаментальных трудов современников. Основу исследования составляют материалы, выявленные в Астраханском (Астрахань, Российская Федерация) и Оренбургском (Оренбург, Российская Федерация) государственных архивах, а также сборники документов, отражающие историческую динамику указанного периода, в том числе Полное собрание законов Российской империи (ПСЗРИ). Особое внимание уделяется социокультурному контексту калмыцкого общества, что позволило сконцентрировать внимание авторов на проведении разбора внутренней политики, межгрупповых отношений и роли кочевого уклада жизни в формировании исторических процессов.

Методологическая база исследования строится на историко-аналитическом подходе, который предполагает рассмотрение событий 1771 г. через призму критического анализа исторических источников и научной литературы. Включение сравнительного анализа различных точек зрения, представленных как калмычками, так и российскими исследователями, способствует выявлению различий и сходств в интерпретации ключевых событий. Это позволяет глубже понять, как культурные и политические контексты влияют на восприятие и оценку исторических явлений.

Комплексный подход, объединяющий политический, исторический и социокультурный анализ, обеспечивает всестороннее рассмотрение событий 1771 г., включая причины и последствия откоёвки калмыков, а также их восприятие в Калмыцком ханстве и Российской империи. На последующем этапе исследования планируется интерпретация собранных данных, что позволит сформулировать выводы о влиянии указанных событий на дальнейшую судьбу калмыцкого народа и их роль в контексте российской истории.

3. Обсуждение

Калмыцкая историография о Пыльном походе отличается своими особенностями, когда во главе изучения ставятся практически последовательно несколько аспектов. В первую очередь сам Пыльный поход описывается как масштабное трагичное событие и национальная катастрофа, унесшее жизни тысячи людей, произошедшее вследствие усиления политического и социально-экономического давления со стороны Российской империи, а также как результат проводимой Москвой переселенческой политики, что привело к нарушению традиционного образа жизни и ухудшению условий существования калмыцкого хозяйства.

Прежде остановимся на оценке дореволюционных исследователей о событиях 1771 г. и накануне. В этом контексте одними из наиболее значимых представляются труды таких классиков, как Н. Рычков, А. Левшин, М.Г. Новолетов, Н. Нефедьев, которые изучали причины, события и последствия похода 1771 г. В своих записях Н. Рычков описывает трудности, с которыми столкнулись русские войска во время Пыльного похода, а также их взаимодействие с местным населением. Он пишет, что поход был не только военной операцией, но и важным моментом в культурном обмене между русскими и кочевыми народами. Н. Рычков акцентирует внимание на сложностях, связанных с географическими и климатическими условиями, что делает его наблюдения ценными для понимания контекста события 1771 г. (Рычков, 1772). Хотя работа А. Левшина была написана значительно позже, она предоставляет весь спектр важного контекста для улучшенного понимания кочевых народов, включая калмыков. Классик А. Левшин описывает социальную структуру и образ жизни казахов и казаков, что помогает осознать, как Пыльный поход вписывается в более широкий исторический и географический контекст. Его труд служит основой для дальнейшего изучения миграций и взаимодействий между народами (Левшин, 1832). М.Г. Новолетов в труде «Калмыки: исторический очерк» (1884) рассматривает Пыльный поход как важный этап в истории взаимодействия России с

калмыками (Новолетов, 1884). Он акцентирует внимание на последствиях похода для обеих сторон, подчеркивая, что миграция калмыков была вызвана социальными, экономическими и политическими факторами. В его труде отмечается, что Пыльный поход изменил не только географию расселения калмыков, но и оказал значительное влияние на культуру калмыцкого народа и его образ жизни. Как правило, большинство трудов дооктябрьской эпохи, несмотря на свою историческую ценность, в большей степени упрощают те сложные геополитические процессы, связанные с постепенным расширением Российской империи. В свою же очередь, в труде Н.Я. Бичурина освещается Пыльный поход как «часть военных действий калмыков в XVIII веке» (Бичурин, 1991). Он описывает сложные отношения между калмыками и казаками, которые варьировались от военных конфликтов до торговых связей и культурного обмена. Н. Бичурин подчеркивает, что, несмотря на конфликты, между народами существовали моменты сотрудничества, что делает его труд важным для понимания динамики отношений в регионе. В этом контексте, Н. Нефедьев пишет, что возможные планы о переходе калмыков за р. Урал имели место еще до самого события: «Астраханский губернатор Брылкин доводил до сведения Коллегии Иностранных дел, что сам наместник Ханства, кочуя в Рын Песках намерен со всею Ордою перейти р. Урал, разбить Киргизцев и отворить себе путь в Бухарию, Персию или Зюнгарию, и что все владельцы собираются к нему по ночам для совещаний. Коллегия, рассмотрев сия сведения, по принятым ею соображениям, побег Калмыков признала невозможным; но между тем устроение в 1748 году Нижнеуральской линии служило против подобных замыслов достаточной мерою» (Нефедьев, 1834: 66). В целом надо сказать, что всё же основной причиной Пыльного похода было явное вмешательство царской администрации в калмыцкие дела, которое состоялось задолго до самого события: «Пик внимания царского правительства к калмыкам в XVII в. приходится на 1661 г., когда был создан и в течение года функционировал отдельный Калмыцкий приказ» (Колесник, 2003).

Событие, известное как Пыльный поход 1771 г., представляет собой один из ключевых эпизодов в истории калмыцкого народа, связанный с массовой миграцией этноса из Поволжья в Джунгарию. Этот процесс, безусловно, сопровождался столкновениями с казахскими правителями и местными родами. Калмыцкие ученые справедливо отмечают, что эти столкновения не были проявлением этнической вражды, а скорее следствием объективных обстоятельств.

Сами казахско-калмыцкие столкновения в ходе Пыльного похода можно рассматривать как результат столкновения интересов двух кочевых народов, каждый из которых стремился защитить свои земли и ресурсы. С одной стороны, калмыки, двигаясь на восток, были вынуждены пересекать казахские степи, что неизбежно приводило к конфликтам. С другой стороны, казахи, защищая свои территории, были вынуждены оборонять свои земли, кочевья и скот от действий калмыков, чьи стада нарушали сложившуюся за века систему землепользования, причем переход калмыцких кочевий широким фронтом обрекал местных скотоводов на гибель или спонтанные внутренние миграции вследствие вытаптывания новой травы.

В трудах ряда исследователей, как В.Т. Тепкеева, М.М. Батмаева, Е.В. Дорджиевой, С.С. Белоусова и др., данное событие рассматривается с различных точек зрения, что даёт возможность сформировать комплексное представление о причинах и последствиях.

В своих работах известный историк В.Т. Тепкеев акцентирует внимание на внутренних причинах Пыльного похода. Он подчеркивает, что миграция калмыков была вызвана не только внешними факторами, как давление со стороны Российской империи, но и внутренними конфликтами в самом калмыцком обществе. Ученый отмечает, что «решение о переселении было принято под влиянием ухудшения экономического положения калмыков, а также их стремления сохранить традиционный уклад жизни, который подвергался угрозе из-за политики русификации» (Тепкеев, 2023). Калмыцкий исследователь М.М. Батмаев пишет, что «политика царского правительства, направленная на ограничение автономии Калмыцкого ханства, стала ключевым фактором, подтолкнувшим калмыков к миграции» (Батмаев, 2022). А также это сопровождалось «недовольством знати и христианизацией калмыков» (Батмаев, 2022: 409). Автор проводит анализ ряда событий Пыльного похода, включая столкновения с «казахскими феодалами» (Батмаев, 2022: 420), с целью остановить движение соседей через казахские земли.

Исследователь М. Батмаев обращает внимание на экономические трудности, включая «нехватку пастбищ и природные катастрофы, которые побуждали калмыков искать более благоприятные условия для жизни» (Батмаев, 2022). При этом оценивается и влияние внешнеэкономических факторов, таких как торговля и налоги (ПСЗРИ, 1770: 485; Ходарковский, 2022: 47). Вместе с тем, политические обстоятельства, в том числе конфликты с соседними народами и внутренние распри, рассматриваются М. Батмаевым как важные причины, «вынуждающие калмыков покидать свои земли» (Батмаев, 2022). Его реконструкция последовательности событий и причин Пыльного похода и тезис, что политическая нестабильность в регионе могла привести к миграции калмыцкого народа в поисках безопасности, представляется наиболее объективной.

М. Батмаев в своей книге посвятил раздел «Роковая развилка», всестороннему анализу миграции калмыцкого народа, включая потери во время военных столкновений и влияний суровых климатических условий в процессе перекочевки (Батмаев, 2022: 406). Здесь также дается оценка

демографических изменений и экономических потерь, связанных с утратой скота и земель: «Калмыцкая знать... чрезмерно уповала на особенности кочевого образа жизни, на мобильность своих улусов, которая, по их мнению, давала возможность при неблагоприятном стечении обстоятельств или при чрезмерном нажиме правительства уйти из-под его влияния, сменить территорию обитания» (Батмаев, 2022: 406-407). Описание этой же картины «великого кочевья» передается и в трудах В.В. Бартольда, который освещал потери калмыков в контексте их столкновений с другими народами и государствами (Бартольд, 1914).

Особое мнение приводит в своем труде С.С. Белоусов, где он рассматривает данное событие в контексте межэтнических отношений в регионе. Он подчеркивает, что «конфликты между калмыками и казаками были обусловлены не только территориальными спорами, но и различиями в хозяйственном укладе и культурных традициях» (Белоусов, 2009). Автор считает, что эти столкновения также имели долгосрочные последствия для взаимоотношений двух народов. Между тем исследователь Е.В. Дорджиева считает, что реформа управления Петра I, подрывающая устои власти местной калмыцкой знати, а также социальное неравенство и экономические трудности стали основными факторами для решения об откочевке, что, в свою очередь, привело к массовым миграциям калмыков в поисках лучших условий жизни (Дорджиева, 2002). Это неудивительно, поскольку в целом «с середины XVIII века царская власть всё больше вмешивалась в дела ханства» (Российская историческая энциклопедия, 2022: 19).

Реконструировать масштабы Пыльного похода также дают возможность труды таких зарубежных исследователей, как М. Ходарковский (Ходарковский, 2022), А. Каппелер (Каппелер, 2002: 47-50), которые связывают причину перекочевки калмыков с колониальной политикой империи. Авторы пишут, что переход калмыков стал результатом систематического давления со стороны царского правительства, которое стремилось интегрировать кочевые народы в имперскую структуру. Ученые также обратили внимание на роль казахской Степи как «буфера» между Российской империей и Джунгарией, что делает участие казахов в событиях 1771 г. особенно значимым.

Важно отметить, что в целом калмыцкие исследователи подходят к анализу Пыльного похода с позиции сохранения национальной идентичности и именно данное обстоятельство служило катализатором будущих событий. Например, К.Н. Максимов пишет: «Политическая нестабильность в регионе, вызванная как внутренними конфликтами, так и внешними угрозами, создала предпосылки для активизации миграционных процессов среди калмыцкого народа» (Максимов, 2002: 78).

Главным лейтмотивом трудов являлось обоснование причин откочевки калмыков, среди которых, как правило, перечислялись внутренние междоусобицы, борьба за власть, резкое ухудшение положения рядовых кочевников, усиление политики переселения российских крестьян на земли калмыков. Кроме того, строительство новых крепостей, а, следовательно, сокращение традиционных угодий также сужало естественную площадь жизнедеятельности калмыков. Все эти причины указаны как главные побудительные мотивы в современной калмыцкой историографии, что объективно соответствует исторической реальности. Следует отметить, что слабыми сторонами калмыцкой историографии является недостаточное знание политической ситуации в Младшем жузе, географии степных просторов Казахстана на пути Пыльного похода, а также функционирования казахского кочевого хозяйства. Однако основной ахиллесовой пятой историографии Пыльного похода остается нежелание и отчасти невозможность объективной оценки деятельности российского правительства как главного катализатора событий 1771 г.

В целом калмыцкие ученые также подчеркивают, что столкновения с казаками были неизбежны из-за конкуренции за ресурсы и территорию. Однако они отмечают, что эти конфликты не должны заслонять собой общую картину борьбы калмыков за выживание в условиях внешнего давления.

4. Результаты

Планы калмыков на будущее переселение никогда не покидали их и на новой родине. Так, М. Ходарковский совершенно правильно указывал, что уже в начале XVIII в. в калмыцкой верхушке были планы выйти из-под усилившейся руки Москвы. Здесь интересно, что тогдашняя элита планировала миграцию либо на юг, в Бухару, где феодальные междоусобицы не позволили бы организации централизованного сопротивления новой угрозе. Это направление давно было известно калмыцким правителям, а богатства Мавераннахра представляли собой заманчивую цель, причем не только для элиты, но и рядовых воинов. Это обстоятельство действительно важно для упоминания, поскольку именно отсутствие добычи на западных фронтах Российской империи стало главной причиной снижения активности калмыцких воинов в качестве иррегулярных сил.

Вторым направлением, куда могли направиться новые хозяева Поволжья, было западное, на Кубань. Ногайцы, разделенные в предыдущие века на несколько групп, уже слабо напоминали прежних наследников Золотой Орды. Резко упавшая численность, разделение на несколько групп и устаревшая тактика стали причиной их поражения от калмыцких владык. Сама территория же, Кубань, была настолько привлекательной для новых групп кочевников, что побуждало калмыков нападать на нее даже без поддержки центральных российских властей. Восточное же направление

долгое время было оставлено без внимания, поскольку калмыцкие элиты хорошо представляли себе, что в эпоху расцвета Джунгарского ханства, калмыки бы неизбежно занимали бы в нем подчиненное положение, что никак не устраивало самостоятельных и гордых тайшей и зайсангов.

В том, что эти планы на масштабную миграцию пришлось отложить на полвека, следует учесть личность самого крупного и великого правителя Калмыцкого ханства - Аюка хана. Образец величия и авторитета, Аюка хан благодаря своей дружбе с российским императором Петром I сумел добиться, по сути, равного союза, где император был для калмыков прежде всего военным лидером, который, однако, не имел права вмешиваться во внутренние дела калмыков. Но при этом строго оставались верны установленным геополитическим правилам: «Калмыцкие тайши во главе с Аюкой ханом оставались верны договорённости, заключенным с царским правительством» (Тепкеев, 2023: 348). Столь широкая автономия позволила Аюке хану стать гегемоном на всем протяжении степных просторов от Кубани и Северного Кавказа до берегов рек Эмба на востоке. Здесь следует учесть, что речь идет не о подчинении этих территорий, а о степени влияния его личного авторитета. Есть упоминания, что и Абулхаир, будущий грозный хан Младшего жуза, долгое время находился при дворе Аюки. Можно предположить, что там Абулхаир хан не только познакомился с дипломатией, но и увидел для себя идеал истинного степного владыки с максимально централизованным кочевым населением, также, как и учился Абылай при дворе джунгарского хунтайджи немного позже, по крайней мере этот фактор следует учитывать при изучении дипломатических перипетий того периода.

Постоянное участие калмыцких воинов в войнах русских царей, обилие добычи для рядовых общинников, а также умелое и крепкое правление Аюки дали много плюсов для калмыков и, казалось бы, их владычеству в Нижнем Поволжье ничто не могло угрожать. Тем временем общий ход мировой истории уже должен был оттеснить кочевой строй на обочину дальнейшего прогресса. Прежде всего это выразилось в полноценном присутствии огнестрельного оружия с его улучшенными характеристиками, что кардинально поменяло картину боя. Если ранее калмыцким воинам противостояли, как правило, кочевники со знакомой тактикой и привычным вооружением, то в ходе участия в европейских походах русских царей калмыкам все чаще приходилось сталкиваться с регулярными войсками, обученным по передовой европейской тактике, что увеличивало потери, а строгая дисциплина так или иначе уменьшала долю добычи.

Вторым следствием дальнейшего поступательного развития Российской империи стало увеличение численности населения и возрастание потребностей в количестве земли, причем максимально пригодной для земледельческой практики. Непонимание этого процесса калмыцкой элитой зачастую сублимировалось в страхи перед потерей своей идентичности. Недаром одним из аргументов в пользу миграции на восток стал страх перед насильственным крещением. В целом необходимо отметить, что калмыки в гораздо большей степени были подвержены давлению и ассимиляции со стороны русской культуры. Массовое обнищание приводило к переселению калмыков в русские общины, что выводило их из собственно племенной структуры калмыков. Также среди факторов, сказавшихся на усилении страхов перед насильственной ассимиляцией, стала религиозная политика империи, когда только принятие православия гарантировало бывшим кочевникам полноценные права подданных империи. Наличие автономного образования вблизи калмыцких границ в виде полусамостоятельного уральского казачества также могло стимулировать отдельных калмыков к переходу в ранг казаков (ПСЗРИ, 1765: 14; ГААО. Ф. 1. Оп. 10. Д. 30. Л. 17; ОГАОО. Ф. 6. Оп. 10. Д. 2270. Л. 4), а поскольку одним из условий вступления в их ряды было принятие православия, становится понятным резкое уменьшение численности подвластных главному Ламе калмыцких кочевников.

Массовое освоение Нижнего Поволжья переселенцами не только отрезало калмыков от их лучших пастбищ по Волге, но и лишало их возможности для миграций. Привычные пастбища на севере медленно, но уверенно поглощались немецкими колонистами, а на востоке создание Царицынской оборонительной линии лишало привычных переходов через Волгу на ее левый берег и соответственно отрезало от пастбищ Волго-Уральского междуречья. Колонисты не только приносили новые методы ведения хозяйства, но и новую культуру, методы землепашества, торговли и т. д. Все это, конечно же, так или иначе становилось доступным для рядовых кочевников, которые вследствие безысходности пополняли численность новых поселений. Так, хан Дондук Даши жаловался на крайнюю нищету калмыков и указывал, что уже более их трети находилось за гранью бедности. Традиционные методы, позволявшие пережить трудные времена для кочевников, уже не срабатывали, а присущая кочевникам максимальная открытость для новых веяний позволяла наиболее бедным и отчаявшимся калмыкам сравнительно легко интегрироваться в российское общество. Этот массовый отход должен был озаботить не только религиозную верхушку или ханский совет, но и всех тайшей, которые понимали, что лишаются своих подданных и, как следствие, своего дохода. Надо также отметить, что традиционные подарки от российского правительства калмыцкой элите со временем стали восприниматься как часть обязательств российской короны и служили важным средством пополнения доходов элиты. Их нерегулярность, по-видимому, никак не влияла на восприятие этих подарков калмыками как своего рода дани. Сокращение же количества подарков так или иначе сказывалось на положении и авторитете каждого из тайшей или зайсангов, что еще

сильнее втягивало и ставило в зависимость от российских властей. Долгое и упорное противостояние калмыцкого хана с наместником Астраханской губернии по сути стало поводом для возобновления дискуссий о дальнейшей миграции калмыков на новые земли.

В этом плане в калмыцкой и российской историографии довольно часто подразумевается, что опробованные имперские практики на калмыцких территориях потом были успешно реализованы на собственно вовлечении казахов в российское пространство. При всей схожести калмыцкого и казахского кочевого хозяйства, различий все-таки было намного больше. В первую очередь благодаря соседству на юге богатых местных государств Средней Азии, торговля с которыми позволяла российскому правительству не только сравнительно быстро получать какие-либо эксклюзивные товары, но и реализовывать свою невостребованную на европейских рынках промышленную продукцию, что стало дополнительным катализатором для дальнейшего роста российской экономики. Так как в XVIII в. российское влияние на Казахскую степь было довольно ограничено, и империя не могла физически контролировать всю степную территорию, поэтому императрице Екатерине II приходилось идти на «компромисс»: «Если Абулхаир хан или другие киргиз-кайсацкие ханы Орды пожелают поселиться близ того города, то им назначить дополнительные места где они постоянно могли бы прибывать, притом могли бы смотреть, чтобы со стороны другого народа в сторону Яика перехода не было, а только для приезда или житья ханам» (ОГАОО. Ф. 1. Оп. 1. Д. 1. Л. 94об.). Казахская элита продолжала получать большие барыши от торговли, причем их процент мог достигать до 10 % от всей стоимости товаров. Такая баснословная прибыль не только гарантировала достаточно лояльное отношение части казахских элит к торговле, но и позволяла в значительно меньшей мере зависеть от российских подарков и жалований, в то время как калмыцкая элита постепенно теряла свой основной источник доходов. Торговля гарантировала и лояльность пограничных российских властей на поведение отдельных родоправителей и султанов, в чьих руках были возможности в силах самостоятельно парализовать степную торговлю, что приносило большие потери купцам и правительству. Таким примером может служить и деятельность Каратай султана, «чьи устремления занять ханский престол так и не смогли быть реализованы» (ОГАОО. Ф. 6. Оп. 10. Д. 2270. Л. 3), что впоследствии привело к активизации нападений на торговые караваны. Противостояние между пограничной администрацией и султаном закончилось тем, что он получил титул ага (старшего) султана одной из частей Младшего жуза. Что же касается борьбы калмыков с колониальными властями, казахские родоправители отдавали себе отчет, что их миграция была вызвана усилением русского влияния. Эти знания носили не только теоретический характер, но и передавались в силу тесных родственных контактов: «...Султан Каратай знал по рассказам своей матери Ырысты о борьбе калмыков Поволжья и Урала с царской колонизацией. Следует отметить, что “Пыльный поход” 1771 года, вполне рассматривался казахами как одна из традиционных форм сопротивления кочевников произволу. К тому же общее положение Младшего жуза в конце XVIII – начале XIX века, отстранение от власти сыновей Нуралы явно было выгодно царскому правительству для привлечения выполняющих его волю султанов» (Политические портреты..., 2022: 237).

Вторым отличием было постоянное участие калмыков практически во всех военных конфликтах Российской империи, в то время как казахи постоянно восставали против действий российского правительства, а если и принимали участие в военных акциях белого царя, то «только если это отвечало их интересам, как например участие Абулхаир хана в событиях в Башкирии» (Shotanova et al., 2022: 598) или привлечение Абылай хана в деле разгрома калмыков во время Пыльного похода. Исключительное положение калмыков среди других народов Поволжья не смогло подвигнуть воинственных кочевников на прямое противостояние с русскими властями, хотя отдельные калмыки конечно принимали участие в вооруженных выступлениях.

В-третьих, изначально большие по площади территории, что уже само по себе создавало проблемы с логистикой для любых военных действий, дополнялись наличием малодоступных земель и соседством с богатым и родственным населением. Здесь примером такого соседства может служить Хива, чья территория была не только малодоступна для русских войск, но и служила своего рода резервным ресурсом, где казахи Младшего жуза могли собраться с силами после поражений ряда восстаний. Устюрт, Мангыстау и пустынные берега Аральского моря часто служили местом сосредоточения антироссийских сил. Калмыки же изначально находились в регионе, где со временем со всех сторон были территории подвластные российской короне. Более того, постоянное участие калмыцких контингентов в военных действиях на стороне Москвы обрекло калмыков на изоляцию со стороны всех соседей. Отсюда и столь сильная зависимость калмыцких ханов от доброй воли Москвы, что лишало их всякой поддержки со стороны потенциальных союзников.

Еще одним малозаметным отличием являются пропорции поголовья скота, которые, однако, сыграли важную роль при подведении итогов Пыльного похода. Знаменитая порода калмыцкой коровы оказала как положительную роль в повседневной жизни калмыков, так и отрицательную в военных событиях 1771 г. Дело в том, что известная морская поговорка гласит: «Скорость всей эскадры ограничена скоростью самого последнего корабля». Именно наличие тяжелого и отнюдь не самого выносливого на длинных дистанциях крупного рогатого скота должно было ограничивать скорость перекочевки калмыков в их поистине не имеющем аналогов рывке на восток. Крупный рогатый скот просто не был

приспособлен к непрерывному движению кочевников. Скорость движения коровы в день в 2 раза уступает скорости МРС в виде овец, 13 км в час против 25–30 км в час. Все ее положительные качества (надой, количество мяса, морозостойкость и т. д.), конечно же, перевешивали ее неприспособленность к длинным маршрутам и ее разведение было оправданным в мирное время, однако в период столь масштабной миграции ее наличие в стаде скорее выглядело недостатком.

Все эти отличия, конечно, не выглядят решающими, а общий способ ведения хозяйства так или иначе приводил к заимствованиям, что роднило обе культуры, казахскую и калмыцкую. Знания опытных кочевников помогали им как в военное время, так и в мирное, также как знание слабых и сильных мест у противника. Еще одним малоизученным аспектом истории Пыльного похода является слабое знание географии противника. Представляется мало возможным, чтобы при столь масштабной кочевке калмыки не представляли себе все положительные и отрицательные стороны планируемого маршрута. Судить о географических знаниях калмыков о восточных землях вследствие недостаточности источников довольно трудно. Можно сделать лишь предположения, которые органично и логично объяснят ход действий калмыков на этом трагичном отрезке истории. Сами калмыки пришли в Нижнее Поволжье в основном через территорию Южной Сибири, но географию реки Эмбы и Уила знали достаточно хорошо. Судя по анализу географических карт, имели они представление и о Центральном Казахстане, по крайней мере достаточно долго на этих землях можно проследить присутствие калмыков. Так, судя по карте «Новая карта Тартарии», которую составил английский картограф Джон Спид (Лондон, 1627) на территории Западного Казахстана вплоть до Мугоджар фиксируется присутствие сразу двух групп калмыков, начиная с восточного берега реки Урал вплоть до Мугоджар. Помимо этих двух групп, вблизи от Ташкента зафиксирована и группа кочевников под названием Каракитаи, под которыми вполне возможно скрывалась еще одна группа калмыков. Понятное дело, что эти данные не отражали достоверную реальность 1627 г., но сам факт фиксации калмыков на казахских землях несомненен.

При планировании маршрута калмыцкие предводители должны были учесть очень много факторов. Так, само расстояние от реки Эмбы до озера Балхаш по прямой 1272 км. Учитывая среднюю скорость движущегося скота, причем непрерывно и по прямой, то есть около 25–30 км в день, на преодоление этого расстояния калмыкам необходимо было не менее 42–50 дней. Если учесть, что выход с весенних пастбищ должен был осуществляться ранней весной, то весь этот срок приходился на самый благоприятный для кочевания период, поздней весной и летом, когда скоту было проще находить корм на пропитание. В этом плане необходимо отметить высокую степень продуманности организации этой миграции и глубокое знание основ ведения кочевого хозяйства калмыцкой элиты.

При описании Пыльного похода, в особенности его первоначальной стадии, следует учитывать специфику географических и климатических условий Западного Казахстана. Снега, как правило, в этом регионе сходят приблизительно к Наврузу, то есть в середине-конце марта. Таким образом, у калмыков при планировании маршрута с начала января – времени их прихода на Эмбу, по середину марта – времени начала их миграции, был достаточный срок. Суровая зима в этих местностях, разбросанность казахских кочевий по этому региону не дали возможности казахам дать достойный отпор давним противникам, что породило очередной вымысел о слабости военной организации казахов Младшего жуза в частности и казахов вообще. Этот миф довольно легко нивелируется стремительными действиями казахов весной и окончательный разгром калмыков летом на берегах Балхаша. Между тем, накануне своей миграции, самими калмыками неоднократно совершались набеги с целью захвата скота на казахские аулы, а в результате перехода калмыки первыми начали боевые действия, обрушившись на редкие казахские аулы зимой 1771 г. Также самими калмыцкими исследователями приводятся сведения о плененных казахах, сопровождавших начало великого переселения.

В целом сам характер боевых действий казахов против калмыцкой миграции либо не получает должного освещения, либо игнорируется. Так, в работе М. Батмаева военные действия казахов против калмыков практически вовсе не упоминаются, больше делается упор на связях казахских правителей и русской администрации. Кроме того, отдельно М. Батмаев останавливается на переговорах между собственно калмыцким наместником и казахскими ханами. Нуралы хан, по мнению исследователя, был не способен организовать сопротивление калмыкам силами Младшего жуза и ожидал помощи от царского правительства (Батмаев, 2022: 421–422). Кроме того, в отличие от других исследователей М. Батмаев указывает на разрозненность в среде самой калмыцкой знати по поводу возвращения основной массы калмыков назад, под власть русского царя. Надо отметить, что согласно М. Батмаеву, Нуралы хан выразил свою готовность выступить посредником или поручителем в переговорах с русской администрацией, но ничего не сообщает по ответу Убаши на это предложение. Все это, по его мнению, сказывалось на общей боеспособности калмыков. Необходимо отметить, что исследователь также отмечает, что после возврата русских войск на свои пограничные линии, казахи, по сути, остались с врагом один на один. Ослабление военных сил казахов, оставшихся без поддержки военных сил колониальных властей, казалось было выгодным для калмыков, но, однако, М. Батмаев ссылается на последующие изменения маршрута миграции без объяснения причин и просто указывает на поворот калмыков на юг, через бесплодные пустыни. По-видимому, частые военные столкновения и опасность пересечения земель Среднего жуза, где железной рукой правил Абылай хан, заставила калмыков

предпринять этот опасный маневр. В этот период Абылай объединил большую часть казахов в единое государство, несмотря на чисто формальную зависимость от Российской и Цинской империй, правил достаточно самостоятельно. Неудивительно, что М. Батмаев также указывает, что Абылай вполне мог не допустить полного уничтожения калмыков, несмотря на численный перевес своих войск и крайнюю ослабленность сил Убаши. Нуралы также обвиняет Абылай хана в своем письме, где в качестве причины указывает на получение Абылаем щедрых подарков (Батмаев, 2022: 424). Однако сам ход и тема переговоров между Убаши и Абылаем остаются нераскрытыми.

Ход событий Пыльного похода и их последовательность, изложенная в работах М.М. Батмаева, почти полностью повторяется и в работе М. Ходорковского, правда с несколькими исключениями. Так, не только скорость продвижения калмыков, углубившихся в Казахскую Степь, послужила отзывом русских отрядов назад в крепости, но и восстание уральских казаков (Ходорковский, 2022: 309). Кроме того, в отличие от версии событий, изложенных М. Батмаевым, в работе М. Ходорковского это не Нуралы хан ожидал похода русских отрядов, а «...казахи присоединились позже» (Ходорковский, 2022: 309). Весь проход по территории Младшего жуза автором совершенно не освещен, а боевые действия против калмыков, казахи, согласно хронологии автора, начали лишь на берегах Балхаша, возле реки Мойынты. Таким образом, автор оставил вне своего внимания и попытки переговоров Убаши с Нуралы ханом, и первые столкновения с казаками, что не только сильно упрощает сам ход Пыльного похода, но и не согласуется с дальнейшими событиями, а изменение маршрута миграции происходит без объяснения причин. Также в отличие от М. Батмаева М. Ходорковский вообще не упоминает имена ханов, а все боестолкновения с казаками ограничивает упоминанием сражения на реке Мойынты, после чего калмыки оказываются на берегах реки Или. Таким образом, Пыльный поход представлял собой, по мнению автора, ряд случайностей, где казахи на всем его протяжении выступали в роли только исторического фона. Интересно, что, описывая потери калмыков, он ссылается на то, что людские потери были ужасающими, а также что казахам досталось огромное количество скота. Все эти потери, изложенные в отрыве от хода боевых действий, также не способствуют пониманию всей исторической трагедии того времени.

Весьма удивительно, что несмотря на весь профессионализм некоторых калмыцких ученых, они либо вкратце упоминают переговорный процесс между калмыцким ханом и казахскими ханами, либо вообще его игнорируют. Между тем первые переговоры Убаши с Нуралы ханом, по сути, были выгодны калмыкам, так как отражали интересы части калмыцкой элиты (Батмаев, 2022: 422). Кроме того, учитывая, что на Эмбе также продолжала оставаться небольшая группа калмыков, в ходе затянувшихся переговоров она могла бы присоединиться к основной группе, тем самым усилив ее. А также следует учитывать, что неудавшиеся переговоры, прерванные к тому же самим Убаши, в дальнейшем сыграли свою роль, так как казахи Младшего жуза уже не прибегали к ним. Излишняя самоуверенность Убаши, по сути, предопределила весь дальнейший ход событий.

Второй этап переговоров Убаши уже с казахским ханом Абылаем мог существенно облегчить положение калмыков, осознавших к тому времени все тяготы похода. Сама суть переговоров во многом отражала стремление Абылай хана сохранить калмыков как боеспособную силу. Впоследствии калмыки довольно часто фигурировали в качестве личной гвардии Абылай хана и его потомков. Надо отметить, что часть калмыков неизменно поддерживала казахов позднее, в период восстаний казахов против Российской империи (Кадырбаев, 2023: 1458-1459).

Здесь необходимо обозначить, что события Пыльного похода на завершающем этапе очень часто преподносятся довольно однобоко, где предательский удар Убаши на исходе срока перемирия почему-то трактуется как хитроумный план (Ходорковский, 2022: 310). Однако, учитывая плачевные итоги для калмыцкого народа этого предательства, следует отметить, что последствия такого нарушения договоренностей не были продуманы калмыцкой знатью. Случившаяся далее катастрофа стала прямым результатом этих событий и заставила часть калмыков изменить дальнейший маршрут миграции через сравнительно пустынные районы, а также привела к полному отказу от дальнейших переговоров, что обрекло значительную часть калмыков на уничтожение и захват в плен.

Отдельное место в калмыцкой историографии занимает совместная статья авторов В.Т. Тепкеева и З.Е. Кабульдинова «Калмыцко-казахские отношения в период откочевки калмыков из России в Китай в 1771 г.», которая сегодня представляется одной из наиболее объективных работ, посвященной реконструкции событий Пыльного похода (Тепкеев, Кабульдинов, 2023: 756-768). Эта научная работа отличается большим привлеченным массивом архивных документов и в целом достаточно полноценно отражает сложившиеся исторические реалии того времени. Отдельной ее сильной стороной является указание практически детального маршрута движения калмыков вглубь Казахской Степи, а также упоминание роли Чингизидов при организации военных ополчений казахов для отражения калмыцкого нашествия. Данный труд представляет из себя результат совместной работы казахстанской и калмыцкой историографии, в котором отразились все достижения исторической науки на сегодняшний день.

Особое место при описании последнего крупного боестолкновения калмыков и казахов во время Пыльного похода, где Абылай указан как хан всех трех жузов, окружившего превосходящими силами ослабленные кочевья калмыков. Постоянное упоминание авторами вышеназванных трудов

хана Младшего жуза Нуралы в качестве полноценного правителя части казахов не может не вызывать вопросов у вдумчивого читателя. Абылай к тому времени был признан Екатериной II только правителем Средней Орды. По мнению современных историков Казахстана, Абылай признавался ханом преимущественно среди родов Среднего жуза, большинством родов Старшего жуза и некоторыми родами Младшего. Поскольку Абылай хан остался в народной памяти как национальный герой, поэтому его титул всеказахского хана, по сути, имеет несколько сакральный характер. По поводу численности общего казахского войска, то она не могла быть особо большой. В напряженный момент битвы при Балхаше в 1729–1730 гг. Абулхаир хан, будучи главнокомандующим, имел под рукой общее ополчение казахов, составлявшее около 30 тысяч. Сам Абылай решился на поход против калмыков, имея под рукой не более 20 тысяч человек, а в период походов против ослабленного Джунгарского ханства его войска не превышали 15–20 тысяч воинов. Таким образом, войска собранные Абылай ханом вряд ли можно оценить в 15 тысяч, принимая во внимание, что Нуралы уже распустил своих воинов. Кроме того, учитывая, что часть казахов Старшего жуза и после битвы продолжала преследовать отступающих калмыков, то данная оценка является более реалистичной. Калмыки же, ослабленные предыдущими битвами и тяжелыми природными условиями, навряд ли имели под рукой не менее 10–15 тысяч боеспособных воинов.

Слабое знание некоторых калмыцких ученых о воинской организации казахов, по сути, не дает пространства для объективной оценки событий Пыльного похода. Крайняя разбросанность кочевых аулов на бесконечном пространстве Казахской Степи, а также тот факт, что калмыки пришли в движение практически одновременно с началом кочевки казахов - именно поэтому последние не смогли так быстро собрать ополчение и предотвратить упомянутое движение. Кроме того, Нуралы хан, будучи правителем более зависимым от российского правительства, по сравнению с тем же Абылаем, ожидал решений петербургского двора. Неудачные действия царских войск, которые явно не могли поспеть за имеющими значительную фору кочевниками, также могли спутать планы казахов по борьбе с калмыками, которые к тому же шли достаточно плотной группой и имели возможность сравнительно быстро перебрасывать резервы на помощь той или иной группе. Другой мало упоминаемой причиной было время начала калмыцкой миграции, когда именно ранней весной казахи начинали свою кочевку на новые пастбища, а скот был ослаблен после долгой весны. Главной же причиной были разные планы казахских ханов на результат калмыцкой миграции. Недаром Нуралы хан обвинял Абылая в хитроумной медлительности. Абылай был вовсе не заинтересован в усилении Цинского Китая, но выражал интерес в ослаблении военного потенциала на границах с Российской империей. По аналогии с остатками джунгар, Абылай вполне мог рассчитывать использовать калмыков в их бедственном положении в своих интересах. Этому может быть косвенно свидетельствовать и факт переговоров калмыков с Абылаем, и его согласие на перемирие сроком на три дня. Если бы его целью было именно остановить и разгромить врага, то с его силами это было вполне возможно сделать, чему в принципе могут служить подтверждением дальнейшие события.

Следует учесть, что войны между кочевниками довольно редко велись с целью тотального истребления и значительная доля калмыков попала в плен, и, хотя часть из них была продана в рабство, другая же часть калмыков стала составляющей собственно казахского этноса. Мирные отношения между кочевыми соседями были вовсе не редкостью и довольно часто в фольклоре встречаются эпизоды, когда противники находили между собой компромиссные решения.

5. Заключение

Пыльный поход, оставшийся в народной памяти казахского народа как Шанды жорык, стал последней вехой в противостоянии казахов и калмыков, которое длилось несколько веков. После Пыльного похода калмыки оказались оттеснены от привычных кочевий в Волго-Уральском регионе, тем самым контакты между казахами и калмыками стали более редкими, что уменьшило количество столкновений. Сам Пыльный поход стал завершением так называемого «героического» периода в истории казахского народа. Эпоха батыров, время максимальной милитаризации казахского общества, постепенно трансформируется, в том числе благодаря возросшей посреднической деятельности вследствие развития торговли между Российской империей и среднеазиатскими государствами, что приводит к усилению родовой знати. Возросшая зависимость родовой знати от торговли с Российской империей объективно подготавливала почву под окончательное включение Казахской Степи в единое имперское пространство. Таким образом, Пыльный поход стал не только рубежным событием для калмыцкого народа, но и оказал значительное влияние на казахское общество. Реконструкция исторических событий, приведших к столь значительным изменениям казахского общества, таким образом невозможна без изучения соседних историографий, где особое место занимает историография калмыцкой исторической науки.

В целом калмыцкая историография этого рубежного события достаточно объективно демонстрирует анализ исторических реалий. Отличительной чертой исследований является акцент на причинах, обусловивших массовую миграцию калмыков, подкрепленный широким привлечением архивных источников.

Казахско-калмыцкие отношения, сложившиеся за века совместного проживания, неоднократно сменялись периодом дружбы и временных конфликтов. Эти противоречия не мешали возникновению и укреплению дружеских и порой родственных связей. История обоих народов полна примеров взаимных брачных и иных союзов. Стоит отметить, что с падением Джунгарского ханства конфронтационный потенциал между казахами и калмыками неуклонно снижался, хотя отдельные конфликты все-таки имели место.

Пыльный поход, при всем своем трагичном исходе, положил начало более мирному сосуществованию и перевел отношения между соседями на принципиально новый уровень, а именно установление достаточно прочного мира. Калмыцкая историография, сосредоточившись на внутренних причинах Пыльного похода, тем не менее постоянно работает над расширением географии своих исследований с применением междисциплинарных методов, что способствует объективности восприятия исторических реалий того времени.

6. Благодарности

Статья подготовлена в рамках реализации проекта грантового финансирования Министерства науки и высшего образования Республики Казахстан «Специфика казахско-русских взаимоотношений на Казахстанском Урале: взаимосвязь идеологии и практики в историческом аспекте» (регистрационный номер: AP 23487682).

Литература

- Бартольд, 1914** – Бартольд В.В. К истории орошения Туркестана. СПб.: Тип. «Сельского вестника», 1914. 174 с.
- Батмаев, 2022** – Батмаев М.М. Калмыки в XVII–XVIII вв. События, люди, быт: монография / М. М. Батмаев. 2-е изд., испр. и дополн. Элиста: КалмНЦ РАН, 2022. 440 с.
- Белоусов, 2009** – Белоусов С.С. Калмыцкие улусы в последней трети XVIII в. / История Калмыкии с древнейших времен до наших дней: в 3 т. Т. 1. Элиста: ГУ «Издательский дом «Герел», 2009. С. 432-464.
- Бичурин, 1991** – Бичурин Н.Я. (Иакинф). Историческое обозрение ойратов, или калмыков, с XV столетия до настоящего времени. Элиста: Калм. кн. изд-во, 1991. 127 с.
- ГАОО** – Государственный архив Астраханской области.
- Дорджиева, 2002** – Дорджиева Е.В. Исход калмыков в Китай 1771 г. Ростов н/Д: СКНЦ ВШ, 2002. 212 с.
- Кадырбаев, 2023** – Кадырбаев А.Ш. Калмыки Поволжья и казахи: к истории их взаимоотношений в XVIII – начале XIX в. // *Oriental Studies*. 2023. 16(6). С. 1453-1462. DOI: <https://doi.org/10.22162/2619-0990-2023-70-6-1453-1462>
- Каппелер, 2002** – Каппелер А. Россия – многонациональная империя. Возникновение. История. Распад. М., 2002. С. 47-50.
- Колесник, 2003** – Колесник В.И. Последнее великое кочевье: Переход калмыков из Центральной Азии в Восточную Европу и обратно в XVII и XVIII веках. М.: Вост. лит., 2003. 285 с.
- Левшин, 1832** – Левшин А.И. Описание киргиз-казацких, или киргиз-кайсацких орд и степей. Т. 2. СПб.: Тип. К. Крайя, 1832. 333 с.
- Максимов, 2002** – Максимов К.Н. Калмыкия в национальной политике, системе власти и управления России (XVII – XX вв.). М.: Наука, 2002. 524 с.
- Новолетов, 1884** – Новолетов М.Г. Калмыки: исторический очерк. СПб.: Тип. В. Демкина, 1884. 79 с.
- ОГАОО** – Объединенный государственный архив Оренбургской области.
- ПСЗРИ, 1830** – Полное собрание законов Российской Империи. Собрание Первое. Т. XVII. 1765–1766 гг. СПб.: Тип. II Отделения Собственной Его Императорского Величества Канцелярии 1830. 1135 с.
- ПСЗРИ, 1830** – Полное собрание законов Российской Империи. Собрание Первое. Т. XIX. 1770–1774 гг. СПб.: Тип. II Отделения Собственной Его Императорского Величества Канцелярии 1830. 1083 с.
- Политические портреты..., 2022** – Политические портреты лидеров Младшего жуза в XVIII – I половины XIX веков в отечественной и зарубежной историографии. Коллективная монография. Алматы: ИП «Мадияр», 2022. 296 с.
- Российская историческая энциклопедия, 2020** – Российская историческая энциклопедия. Т. 8. М.: Торговый дом «Абрис», 2020. 616 с.
- Рычков, 1772** – Рычков Н. Дневные записки путешествия капитана Николая Рычкова в Киргис-Кайсацкой степи, 1771 году. СПб.: При Имп. Акад. наук, 1772. 104 с.
- Тепкеев, 2023** – Тепкеев В.Т. Аюка-хан и его время. Монография; отв. ред. А. Н. Команджаев. 2-ое изд. Элиста: КалмНЦ РАН, 2023. 366 с.
- Тепкеев, Кабульдинов, 2023** – Тепкеев В.Т., Кабульдинов З.Е. Калмыцко-казахские отношения в период откочевки калмыков из России в Китай в 1771 г. // *Oriental Studies*. 2023. Т. 16. № 4. С. 756-768. DOI: 10.22162/2619-0990-2023-68-4-756-768

Ходарковский, 2022 – Ходарковский М. И встретились два мира: Россия и калмыцкие кочевники (1600–1771). Элиста: КалМНЦ РАН, 2022. 374 с.

Shotanova et al., 2022 – Shotanova G.A., Uzhkenov E.M., Dzhumagalieva K.V. (2022). The steppe elite of the Kazakhs of the Younger Zhuz during the period of vassalage: new approaches and problems of rethinking // *Bylye Gody*. 2022. 17(2): 603-590. DOI: 10.13187/bg.2022.2

References

Bartol'd, 1914 – Bartol'd, V.V. (1914). K istorii oroshenija Turkestana [On the history of irrigation of Turkestan]. SPb.: Tip. «Sel'skogo vestnika», 174 p. [in Russian]

Batmaev, 2022 – Batmaev, M.M. (2022). Kalmyki v XVII – XVIII vv. Sobytiya, ljudi, byt: monografija [Kalmyks in the XVII – XVIII centuries. Events, people, life: a monograph]. 2-e izd., ispr. i dopoln. Elista: KalmNC RAN, 440 p. [in Russian]

Belousov, 2009 – Belousov, S.S. (2009). Kalmyckie ulusy v poslednej treti XVIII v. [Kalmyk uluses in the last third of the XVIII century]. Istorija Kalmykii s drevnejshih vremen do nashih dnei: v 3 t. T. 1. Elista: GU «Izdatel'skij dom «Gerel». Pp. 432-464. [in Russian]

Bichurin, 1991 – Bichurin, N.Ja. (Iakin). (1991). Istoricheskoe obozrenie ojratov, ili kalmykov, s XV stoletija do nastojashhego vremeni [Historical review of the Oirats, or Kalmyks, from the 15th century to the present]. Jeli sta: Kalm. kn. izd-vo, 127 p. [in Russian]

Dordzhieva, 2002 – Dorzhieva, E.V. (2002). Ishod kalmykov v Kitaj 1771 g. [The exodus of the Kalmyks to China in 1771]. Rostov-na-Donu: SKNC VSh, 212 p. [in Russian]

GAO – Gosudarstvennyj arhiv Astrahanskoj oblasti [State Archive of the Astrakhan region].

Hodarkovskij, 2022 – Hodarkovskij, M. (2022). I vstretilis' dva mira: Rossija i kalmyckie kochevniki (1600–1771) [And two worlds met: Russia and the Kalmyk nomads (1600–1771)]. Elista: KalmNC RAN, 374 p. [in Russian]

Kadyrbaev, 2023 – Kadyrbaev, A.Sh. (2023). Kalmyki Povolzh'ja i kazahi: k istorii ih vzaimootnoshenij v XVIII – nachale XIX v. [Kalmyks of the Volga region and Kazakhs: on the history of their relationship in the XVIII – early XIX centuries]. *Oriental Studies*. 16(6): 1453-1462. DOI: <https://doi.org/10.22162/2619-0990-2023-70-6-1453-1462> [in Russian]

Kappeler, 2002 – Kappeler, A. (2002). Rossija – mnogonacional'naja imperija. Vozniknovenie. Istorija. Raspad [Russia is a multinational empire. Appearance. History. Disintegration]. Moskva. Pp. 47-50. [in Russian]

Kolesnik, 2003 – Kolesnik, V.I. (2003). Poslednee velikoe kochev'e: Perehod kalmykov iz Cen tral'noj Azii v Vostochnuju Evropu i obratno v XVII i XVIII vekah [The Last Great Nomad: The Kalmyks' Transition from Central Asia to Eastern Europe and back in the 17th and 18th centuries]. Moskva: Vost. lit., 285 p. [in Russian]

Levshin, 1832 – Levshin, A.I. (1832). Opisanie kir giz-kazackih, ili kirgiz-kajsackih ord i stepej [Description of the Kirghiz-Cossack, or Kirghiz-Kaisak hordes and steppes]. T. 2. SPb.: Tip. K. Kraijja, 333 p. [in Russian]

Maksimov, 2002 – Maksimov, K.N. (2002). Kalmykija v nacional'noj politike, sisteme vlasti i upravljenija Rossii (XVII-XX vv.) [Kalmykia in national politics, the system of power and management of Russia (XVII-XX centuries)]. Moskva: Nauka, 524 p. [in Russian]

Novoletov, 1884 – Novoletov, M.G. (1884). Kalmyki: istoricheskij ocherk [Kalmyks: a historical essay]. SPb.: Tip. V. Demkina, 79 p. [in Russian]

OGAO – Ob"edinennyi gosudarstvennyi arkhiv Orenburgskoi oblasti [United State Archive of the Orenburg Region].

PSZRI, 1830 – Polnoe sobranie zakonov Rossijskoj Imperii. Sobranie Pervoe [The Complete Collection of Laws of the Russian Empire. The First meeting]. T. XVII. 1765–1766 gg. SPb.: Tip. II Otdelenija Sobstvennoj Ego Imperatorskogo Velichestva Kanceljarii 1830. 1135 p. [in Russian]

PSZRI, 1830 – Polnoe sobranie zakonov Rossijskoj Imperii. Sobranie Pervoe [The Complete Collection of Laws of the Russian Empire. The First meeting]. T. XIX. 1770–1774 gg. SPb.: Tip. II Otdelenija Sobstvennoj Ego Imperatorskogo Velichestva Kanceljarii 1830. 1083 p. [in Russian]

Politicheskie portrety..., 2022 – Politicheskie portrety liderov Mladshego zhuza v XVIII – I poloviny XIX vekov v otechestvennoj i zarubezhnoj istoriografii [Political portraits of the leaders of the Younger Zhuz in the XVIII – I half of the XIX centuries in Russian and foreign historiography]. Kollektivnaja monografija. Almaty: IP «Madijar», 2022. 296 p. [in Russian]

Rossijskaja istoricheskaja jenciklopedija, 2020 – Rossijskaja istoricheskaja jenciklopedija [Russian Historical Encyclopedia]. T. 8. Moskva: Torgovyj dom «Abris», 2020. 616 p. [in Russian]

Rychkov, 1771 – Rychkov, N. (1772). Dnevnye zapiski puteshestvija kapitana Nikolaja Rychkova v Kirgis-Kajsackoj stepi, 1771 godu [Day notes of the voyage of Captain Nikolai Rychkov in the Kirghis-Kaisatsky steppe, 1771.]. SPb.: Pri Imp. Akad. nauk, 104 p. [in Russian]

Shotanova et al., 2022 – Shotanova, G.A., Uzhkenov, E.M., Dzhumagalieva, K.V. (2022). The steppe elite of the Kazakhs of the Younger Zhuz during the period of vassalage: new approaches and problems of rethinking. *Bylye Gody*. 17(2): 603-590. DOI: 10.13187/bg.2022.2

[Тепкеев, 2023](#) – *Тепкеев, V.T. (2023). Ajuka-han i ego vremja [Ayuka Khan and his time. Monograph]. Monografija; otv. red. A. N. Komandzhaev. 2-oe izd. Elista: KalmNC RAN, 366 p. [in Russian]*

[Тепкеев, Kabul'dinov, 2023](#) – *Тепкеев, V.T., Kabul'dinov, Z.E. (2023). Kalmycko-kazahskie otnoshenija v period otkochevki kalmykov iz Rossii v Kitaj v 1771 g. [Kalmyk-Kazakh relations during the migration of Kalmyks from Russia to China in 1771]. Oriental Studies. 16(4): 756-768. DOI: 10.22162/2619-0990-2023-68-4-756-768 [in Russian]*

Казахи и Казахская Степь в зеркале калмыцкой историографии Пыльного похода

Ернар Муратович Ужкенов ^a, Галия Айтжановна Шотанова ^{b, *}

^a Институт востоковедения им. Р.Б. Сулейменова, Алматы, Республика Казахстан

^b Институт истории и этнологии им. Ч.Ч. Валиханова, Алматы, Республика Казахстан

Аннотация. Пыльный поход 1771 г. в калмыцкой историографии освещается как массовая миграция волжских калмыков в Джунгарию. Это событие является одним из наиболее драматичных эпизодов в истории калмыцкого народа, оставившим неизгладимый след в его коллективной памяти и культурной идентичности. Данное событие сопровождалось многочисленными казахско-калмыцкими столкновениями, которые следует интерпретировать не как проявление этнической вражды, а как результат объективного столкновения интересов двух кочевых народов.

Современные калмыцкие историки стремятся к более глубокому и объективному анализу событий 1771 г. Они используют новые источники, проводят сравнительные исследования и учитывают достижения мировой исторической науки. Калмыцкая историография, анализируя эти события, акцентирует внимание на необходимости более глубокого изучения взаимодействия кочевых народов с оседлыми культурами, а также на выявлении пробелов в существующих исследованиях. В целом же калмыцкая историография практически не исследует историю казахов как одной из сторон-участников такого центрального исторического события как Пыльный поход. Она в большей степени акцентирует свое внимание на внутренних причинах начала трагической миграции. Казахи и территория Казахской Степи зачастую рассматриваются как некий исторический фон, влияние которого достаточно условно. Такое восприятие связи «казахского фактора» и последней крупной миграции кочевников не позволяет объективной реконструкции истории тех событий, что приводит к упрощению совместной истории.

Данная статья может служить основой для решения исторической задачи: постановки проблемы изучения взаимосвязи События и Территории, то есть Пыльного похода и Казахской Степи.

Полученные результаты могут быть использованы для разработки новых подходов к анализу исторических процессов, что способствует более объективному пониманию роли калмыцкого народа в контексте российской государственности и его интеграции в современное общество.

Ключевые слова: Пыльный поход, калмыки, казахи, калмыцкая историография, миграция, кочевье, политика Российской империи.

* Корреспондирующий автор

Адреса электронной почты: galia8.09@mail.ru (Г.А. Шотанова), e81g@mail.ru (Е.М. Ужкенов)